

Юлия РУТБЕРГ: МОЯ СЕМЬЯ — ИТАЛЬЯНСКИЙ МАФИОЗНЫЙ КЛАН

Она — звезда Театра имени Вахтангова, спектаклей Владимира Мирзоева. После спектаклей «Хлестаков» и «Пиковая дама» ее принято считать блестящей характерной актрисой. Критики посвящают ей хвалебные статьи, а она мечтает о простом человеческом общении. О ней не так много известно, поскольку она не любит мелькать на страницах прессы. Родители Юли — Илья Рутберг, великолепный мим, отмеченный в свое время вниманием самого Марселя Марсо, профессор и заведующий единственной в мире кафедрой пантомимы и пластической культуры театра Академии переподготовки работников искусства, и Ирина Суворова, дирижер-хоровик, — познакомились в знаменитой в 60-е годы эстрадной студии МГУ «Наш дом». Рутберг вместе с Марком Розовским и Альбертом Аксельродом был ее основателем. Юля практически росла за кулисами, и ее нянчили по очереди все студии. Поэтому многих она до сих пор по привычке называет тетями и дядями: «дядя Сеня Фарада», «дядя Саша Филиппенко», «дядя Гена Хазанов»...

сцене расставания наших героев у меня вдруг ком встал в горле, и я от всей души ему сказала: «Я так рада, что ты есть в моей жизни!» Для Коли это было полной неожиданностью, но он прекрасно отыграл эту ситуацию. А главное, наши отрицательные персонажи стали выглядеть человечнее.

— Ваш голос удостоился специального упоминания в энциклопедии «Русский драматический театр»: «Чувственный, слегка хриловатый, богатый оттенками голос Юлии Рутберг...»

— «Русский драматический театр» стал для меня колоссальным подарком. Все-таки я человек «без погон», без званий, и если была выбрана в ряду других замечательных современных актеров, то, наверное, только за качество работы на подмостках. Такое профессиональное признание греет душу гораздо больше, чем всенародная популярность.

— Как вы себя ощущаете сейчас?

— Этот год — год Змеи — мой. У меня открылось второе дыхание! Хочется работать, я буквально переполнена идеями. Я всегда была оптимисткой. Но здесь какое-то особое восприятие жизни — любовь к людям, желание с ними общаться. С другой стороны, ощущаю себя гораздо более взрослой и аскетичной на эмоциях. Больше стала ценить свое время, особенно время общения со своими близкими. Меня очень радует сын Гриша — столько мне всего через него открывается! Ему 14, и он уже такой интересный собеседник. Семья у нас замечательная — просто итальянский мафиозный клан: четыре поколения в одной квартире, и все крепко держимся друг за друга.

— Вы — жена и мать. Как решаете домашние проблемы? Любите, например, готовить?

— Что ты! Еда для меня в основном на бегу. Обедать всегда в театре. Завтракаем мы дома, обычно это кофе с молоком, йогурт, творожок, иногда каши быстрого приготовления. Обожаю китайские рестораны. Вообще дома что-то особенное, требующее времени, готовлю очень редко. Даже когда предполагаются гости, предпочитаю фуршетные застолья.

— Вы почти всегда обходитесь без косметики. Это ваш стиль или просто времени не хватает?

— Так часто приходится на сцене быть в боевой раскраске, что совсем не хочется пользоваться косметикой в повседневной жизни. Если я и крашусь, то совсем умеренно: лицо же устает. А потом мне кажется: все время быть накрашенной — значит носить маску.

Вел. Москва - 2001 -
4 сент. - С 6
Галина ТУРЕЦКАЯ

— Юлия, в последнее время вы играете в Вахтанговском театре только старые спектакли. С чем это связано?

— После того как прекратила свое существование «Фрекен Жюли» (этот спектакль стал для меня своеобразным Рубиконом, потому что подвел черту десятилетнего этапа моего существования в Вахтанговском), я уже три сезона ничего не репетирую в своем театре. Это было непонятно и неприятно, я переживала, но потом сыграла сначала у Михаила Козакова в «Русской антрепризе», потом в Театре наций. И поняла: что ни делается — к лучшему.

Работа у Козакова была очень важной и нужной, потому что это был мой первый выход в антрепризу, к которой я раньше относилась весьма непочтительно. Но тут возник этот маленький камерный театр, во главе которого стоит человек истовый. И спектакль «Играем Стриндберга» по пьесе Дюрренматта был сделан на очень высоком художественном уровне. Он для трех актеров (со мной играют Владимир Стеклов и Анатолий Лобокский) и саксофона. Мало того, что саксофон — совершенно загадочный инструмент, да еще он находился в руках такого гения, как Игорь Бутман. Для меня было совершенным сюрпризом, что музыкант с мировой известностью будет так трепетно относиться к репетициям. В ан-

репризе Козакова сохранилась культура театра, которая сейчас утрачена во многих стационарных коллективах.

— Вехой, очевидно, был для вас и проект «Освоение пьесы «Чайка» методом системы Станиславского»?

— Да. Этот спектакль, как и многое другое в моей жизни, возник благодаря художнику Паше Каплевичу, который неожиданно стал еще и продюсером. Ставили мы спектакль в рамках Театральной Олимпиады за сорок дней. Это была чистейшей воды афера — двумя составами (потому что актеры все востребованные, занятые) в такой короткий срок! Режиссер — Андрей Жолдак, ученик Анатолия Васильева, Анджия Вайды, Кшиштофа Занусси. Я просто счастлива, что были эти сорок дней!

— Когда и где можно увидеть ваш спектакль?

— В Москве осенью будем играть спектакль в Театре наций. А до этого — работали в бывшем театре Корша на улице Москвина (здесь много лет находился филиал МХАТа). Когда-то впервые «Чайка» в Москве была поставлена именно на этой сцене. Нас это вдохновляло, как и то, что наша постановка первая после пятнадцатилетнего небытия театра, связанного с непрекращающимся ремонтом. На его сцене играли Лоуренс Оливье, Сара Бернар... Это была ведущая российская гастрольная площадка для звезд первой величины. И

одна из целей нашего проекта — привлечь внимание общественности к восстановлению театра и этой традиции.

— А что кино?

— Сначала я очень хотела работать в кино, сыграла несколько эпизодических ролей, правда, у таких мастеров, как Гинзбург, Мотыль, Зельдович. Александр Кайдановский говорил, что мое время придет после тридцати. Так и случилось: я снялась в главной роли в картине Игоря Талпы

ный образ акулы российского шоу-бизнеса. Недавно вернулась из Одессы, где снималась у Александра Павловского в картине «Атлантида».

— Многие талантливые театральные актеры не могли работать перед камерой.

— Большинство моих ролей в кино делались на скорую руку. Ты приходишь на площадку на один-два дня, впервые в жизни видишь партнера, а тебе надо сыграть за один день и любовь,

Досье «ВМ»

РУТБЕРГ Юлия Ильинична. Родилась 8 июля 1965 года.

Окончила театральное училище им. Щукина. С 1987 года актриса Театра им. Вахтангова. Среди сценических работ: Зойка («Зойкина квартира»), Двойра («Закат»), Хетти («Дама без камелий»), мадам Дурандас («Французские водевили»). Снималась в фильмах «Пышка», «Закат», «Расстанемся, пока хорошие», «Старые молодые люди», «Похороны Сталина», «Макаров», сериалах «Каменская», «Мужской характер», «Чек». Первый муж — актер Александр Кузнецов, отец сына Гриши. Сейчас замужем за Алексеем Кортневым, лидером группы «Несчастный случай».

«Мужской характер», и теперь веду более активную кинематографическую жизнь. Сыграла в «Каменской» и «Империи под ударом», в фильме «Чек». Осенью один за другим выйдут сериалы «Московские окна», «Фатальности» и «Семейные тайны». Снялась у Евгения Гинзбурга в фильме «Мамука» — картина названа по имени безвременно ушедшего Мамуки Кикайлашвили, изумительного артиста. У меня там роль певицы, такой собиратель-

и ненависть, и бог знает что еще. Ты не успеваешь даже ничего сообразить, не то что вжиться в роль. А вот «Московские окна» мы снимали долго, с настоящими репетициями. Я даже стала из дома какие-то безделушки приносить, обживать декорацию. С моим партнером Колей Чиндяйкиным мы столько всего придумали! Однажды я принесла цветы и попросила его в кадре мне их подарить. Или в финальной

Рутберг Юлия (Ильинична)
(актриса Театра)

04.09.01